

ОТКРЫВАТЕЛЬ ТАИНСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

Леонид Платов (1906 — 1979) относится к числу полузабытых авторов. Но читатели со стажем, тем не менее, наверняка помнят увлекательный фантастический роман (а точнее — дилогию) об освоении Арктики в недалеком будущем «Архипелаг исчезающих островов», впервые вышедший в 1949 году и затем неоднократно переиздававшийся в течение последующих двух десятилетий.

Леонид Дмитриевич Ломакин (таково настоящее имя писателя) родился в Полтаве и большую часть жизни посвятил журналистике. В художественную литературу он пришел в непростые 1930-е годы, а в 1938 году дебютировал и как фантаст, опубликовав повесть «Дорога циклонов». Уже этот первый опыт в жанре определил круг творческих интересов Платова-фантаста: история+археология+география. Повести и романы Платова наследуют традиции географической фантастики Жюль Верна и академика В. А. Обручева. Не случайно одна из ранних его повестей — «Земля Савчука» (1941) — даже в названии перекликается с популярным обручевским романом «Земля Санникова» (а в 1947 году по мотивам романа Л. Платов даже написал киноповесть «Птица Маук»).

Леонид Платов-Ломакин никогда не писал об освоении космического пространства или историй про роботов. Да это было и непросто в годы, когда писатель наиболее активно выступал в жанре: 40—50-е — это диктат фантастики «ближнего прицела», когда под запретом был не только космос, но даже художественный загляд в Завтра дальше, чем на ближайшую пятилетку. Да Платов, похоже, и не стремился к тому. Его интересовали не столько неоткрытые планеты, сколько малоизученные уголки родной планеты, не космические цивилизации, а следы древних цивилизаций.

Фантастическое наследие писателя, известного так же произведениями приключенческой и детской литературы, не столь велико. Самым известным и наиболее характерным произведением писателя стала дилогия под общим названием «Повести Ветлугина». Она объединяет два романа, герои которых в недалеком будущем изучают, обживают и облагораживают Арктику — «Архипелаг исчезающих островов» (1949; доп. — 1952) и «Страна Семи Трав» (1954). Кроме этого им написано с десяток небольших повестей и рассказов, составивших содержание сборника «Каменный холм» (1952). Все они выдержаны в традициях географической приключенческой НФ. Таков и публикуемый нами рассказ «Мгновение», впервые напечатанный в 12-м номера журнала «Знание-сила» за 1951 год: увлекательная история о научной экспедиции, цель которой разыскать некий легендарный затонувший город.

Евгений ХАРИТОНОВ

Мгновение

Рисунки А. Орлова

Федотов надеялся, что до таинственного горного озера, цели путешествия, доберутся засветло. Однако ночь застала экспедицию в пути. Скрипя седлами, негромко переговариваясь, двигались всадники, следуя вереницей за таджиком-проводником. Наконец, все остановились.

Большое водное пространство угадывалось у подножия спуска, — отсюда тянуло прохладой, сыростью.

Но напрасно Федотов всматривался в темноту. Вдали виднелись не то тучи, не то горы, многоплановый фон, — чем дальше, тем светлее. Рядом чернели силуэты деревьев.

— Оно? — спросил Федотов спутника почему-то шепотом. — Где же оно?

— А вон — внизу!

Совсем близко было долгожданное озеро!.. Вернее звезды, отражающиеся в нем.

Звезды были очень яркие, большие, непривычно большие; они вспыхнули

сразу все, будто кто-то раскрыл сундук с жемчужными ожерельями у самых ног.

Василий Николаевич, начальник экспедиции, приказал разбивать лагерь. Здесь предстояло ждать до утра.

Некоторые участники экспедиции

заснули сразу. Другие долго умишались, зевая и переговариваясь сонными голосами. Василий Николаевич, сидя на корточках, копошился у радиоприемника. Он искал в эфире Москву — обычное его занятие по вечерам.

— Привычка, — пояснял он, усмехаясь. — Где бы ни был, — в командировке ли, дома, в экспедиции, — всегда стараюсь услышать перед сном бой часов на Спасской башне...

Федотов сердито натянул одеяло на голову.

— Не спится? — обернулся Василий Николаевич, и карманный фонарик, стоявший на полу, осветил снизу его полное, доброе, озабоченное лицо. — И мне, представьте!.. Какое-то беспокойство разлито, ожидание чего-то. Как перед грозой... Это странно. Небо ясно, туч нет..

Он нагнулся над радиоприемником, продолжая вертеть верньер настройки.

Вдруг внятный женский голос сказал с протяжными чуть гортанными интонациями:

— Выводите жителей из домов на площадь, разверните питательные и медицинские пункты. Центр, по нашим данным, пройдет далеко от города, однако, не исключено, что...

Голос оборвался сразу, как и возник. Спокойно и размеренно передавал диктор последние известия, где-то попискивала морзянка, Лемешев пропел несколько тактов из «Снегурочки», — предостерегающий женский голос не появлялся больше, сколько ни вертели верньер.

— К кому она обращалась? Зачем? — недоумевающе бормотал Василий Николаевич.

— Какой-то центр? Далеко от города?.. Вы что-нибудь поняли, товарищ Федотов?..

Но тут, как капля с большой высоты, упали над миром двенадцать медленных гулких ударов.

...Улеся уже и Василий Николаевич, и вскоре как-то по-детски зачмокал губами во сне. Проводник два или три раза выходил проведать стреноженных коней. А молодой археолог все не мог уснуть. Над странным предостережением, перехваченным по радио, думал недолго. Мысли вернулись к озеру, притаившемуся там, внизу.

Итак, он добрался до него, наконец. Не очень быстро, — спустя несколько лет после того, как впервые узнал о нем. Но все-таки добрался, как обещал.

Что сказала бы об этом девушка, которая послала его к озеру?.. «Ведь вы из тех, кто ловит солнечных зайчиков на стене», — пошутила она тогда. (Кажется, это была восточная поговорка, образное определение мечтателя). Однако вот он здесь, на берегу горного озера, а завтра поутру вместе с водолазами спустится на дно его!

Федотов постарался представить себе наружность девушки. Странно — это долго не удавалось ему. Почему-то лучше всего запомнились брови. Тоненькой полоской они сходились у переносицы, а к вискам приподнимались, отчего лицо казалось крылатым.

Но сначала он увидел ее в фильме. Она сидела на одной с ним скамейке, уткнувшись в книгу. Губы ее забавно шевелились, — наверное, зубрила что-нибудь.

Потом на бульваре появился ще-

нок, такой лохматый, что глаз и носа почти не было видно. Его восхищали опавшие листья, которые, шурша, носились по дорожке, и он с радостным лаем гонялся за ними.

Федотов снова искоса взглянул на девушку и ужаснулся. Она смеялась!

В панике он приподнялся со скамьи, готовый бежать. Конечно же, смеялась над ним — неуклюжим провинциальным ротозеем, который пялит глаза на девушек!

Однако, проследив за направлением ее взгляда, он успокоился. Нельзя было без смеха наблюдать за забавными прыжками щенка.

— Сколько хлопот ему осенью, — ободрившись, сказал Федотов. — Все листья шуршат...

Так завязался разговор, — с помощью щенка. — Какой лохматый, — подивилась девушка.

— Да, странный, — подтвердил Федотов. — Я еще не видел таких.

Потом он вспомнил несколько подходящих к случаю историй о собаках.

Федотов говорил и говорил, не переставая. Он очень боялся, что девушка воспользуется первой же паузой в разговоре и скажет: «Ну, мне пора» или «Извините, меня ждут». Нельзя было допускать пауз в разговоре.

— Я провалился на экзаменах в институт, — объявил он с места в карьер.

И добавил: — Не хочу, чтобы вы думали обо мне лучше, чем я есть на самом деле...

По его словам, подвела «проклятая» математика, которая с детства не давалась ему.

— Но я одолею ее за зиму, — сказал Федотов. — Мне нужно одолеть ее! Не закончив институт, я не смогу стать подводным археологом...

— Подводным?.. Никогда не слышала о такой профессии — подводный археолог!

— Все дело, может быть, в том, что я из Запорожья, — объяснил Федотов.

— Неподалеку от нас строили Днепрогэс. А я очень хорошо ныряю...

Когда начали строить Днепрогэс, Федотов был еще мальчишкой. Ле-

том, понятно, пропадал по целым дням у реки. На спор нырял и оставался почти минуту на дне Днепра, а для посрамления малOVERов показывал вещественное доказательство — речной песок или гальку. Как-то он поднял со дна старинную русскую гривну. В другой раз — заржавленный наконецник копья.

Азарт его возрастал с каждой новой находкой. Но главный триумф был впереди.

Однажды он нащупал на дне что-то тяжелое, твердое.

Именно в этом месте водолазы, расчищавшие русло для бетонных быков плотины, обнаружили целый клад.

Это были доспехи времен Киевской Руси, много веков пролежавшие в речном песке. Огромный богатырский меч с длинной рукояткой едва подняли на плечи четыре школьника, а Федотов, кряхтя, покатил за ними круглый щит.

Эта находка, обогатив местный краеведческий музей, вместе с тем определила и судьбу Федотова. Он не пошел в строительный техникум, или в технологический институт, как большинство его сверстников. Он решил стать археологом, и именно подводным!..

Простодушная откровенность этого юноши подкупала. Нельзя было не ответить тем же.

— Вас тянет под воду, а меня в глубину земли, — пошутила девушка.

И она показала толстую книгу, которую держала в руках.

— «Курс сейсмологии», — вслух прочел Федотов. — О землетрясениях... А я думал: не роман ли?

— Почему?

— У вас были такие глаза, когда вы закрыли книгу...

— Какие же?

— Мечтательные...

— Вы все подмечаете!.. Я думала о будущем своей профессии.

— К тому времени, когда вы станете сейсмологом...

— Я стану им очень скоро. Я на третьем курсе.

Федотов не смог удержаться от

вздоха, вспомнив о «проклятой» математике.

— Но ведь я значительно старше вас, — рассудительно сказала девушка. — Вы сказали, что вам восемнадцать лет, а мне уже двадцать!..

Они немного поспорили о том, солидный ли это возраст — двадцать лет, или еще не очень.

За разговором не заметили, как встали со скамейки, прошли бульвар, спустились по Столешникову переулку, миновали площадь Дзержинского и площадь Ногина и очутились на набережной.

— Смотрите-ка! — удивилась девушка. — Устьинский мост!

Длинная очередь медленно двигалась вниз по гранитным ступеням к пристани речных трамваев.

— Вы катались когда-нибудь на речном трамвае? — спросил Федотов.

— Никогда.

— И я никогда. Покатаемся?

(Он соврал. Катался уже, и не раз. Катание на речном трамвае предпочитал всем остальным столичным развлечениям, — может быть, потому, что это напоминало поездки по Днепру.)

— Как легко с вами разговаривать, — признался Федотов, когда они уселись на верхней палубе. — Вам не кажется, что мы знакомы много лет?

— Кажется.

— А ведь я не знаю даже, как вас зовут.

— Максумэ.

— Павел.

Смушенно улыбаясь, они обменялись рукопожатиями.

— Какое у вас красивое имя. Максумэ!.. Его можно петь.

Спутница Федотова посмотрела на него, не поворачивая головы, — уголком настороженного черного глаза. Что-то уж очень он расхрабрился!..

— Как красиво на реке! — сказала она, осторожно переводя разговор на другую, более безопасную тему: — Город будто позолочен, правда?

Вертикальные сиреневые тени обозначали места, где улицы выходили к набережной. Многоэтажные до-

ма были сплошь усыпаны блестками, — это заходящее солнце отражалось в окнах. Вода текла медленно, тяжело, как расплавленный металл.

Но, мельком взглянув на воду, Федотов снова повернулся к девушке.

— Максумэ! — повторил он, бережно произнеся понравившееся ему имя. — Это что-то восточное. Я так и понял, что вы из какой-то сказочной страны...

— Я таджичка... У нас, на самом деле, много красивых сказок... Вот станете археологом, приезжайте в наши горы искать затонувший город.

Федотов удивился.

— Затонувший?.. Я никогда не слышал... Где? Когда?

Затонувший город, по словам Максумэ, был одной из загадок древней исчезнувшей Согдианы.

Когда—то это было могучее государство, одно из древнейших на территории СССР. Располагалось оно в бассейне реки Зеравшан между средним течением Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Столица его называлась Мараканд и находилась в районе теперешнего Самарканда.

Согдийцы были мужественными свободолюбивыми людьми. В 329 году до нашей эры в пределы страны вторгся Александр Македонский и неожиданно получил отпор.

Засев в своих горных крепостях, запиравших вход в ущелья, согдийцы

под руководством умного и храброго Опитамена оказывали македонским фалангам сопротивление в течение трех долгих лет.

Особенно упорно оборонялся один город (название его забыто), стоявший на берегу озера.

На исходе третьего года запасы продовольствия кончились, начался голод, но жители не открывали ворот, предпочитая смерть позорному плену.

В борьбу людей вмешалась стихия.

Однажды, когда македоняне готовились идти на очередной приступ, вдруг земля заколебалась у них под ногами. Страшный подземный грохот заглушил звуки труб, бряцание оружия и воинственные клики.

Это было землетрясение. В горах Таджикистана землетрясения очень часты.

На глазах уstraшенных воинов царя Александра край берега, где стоял город, со всеми его башнями и крепостными стенами, усеянными людьми, со ступенчатыми крутыми улицами и ветвистыми деревьями, медленно сполз в озеро и скрылся в высоко взметнувшейся кипящей пене...

Федотов, не отрываясь, смотрел на Максумэ.

Эта странная история поразительно гармонировала с самой рассказчицей, с ее негромким гортанным голосом, с ее гордым и сумрачным крылатым лицом.

— Я представил себе вас на стене осажденного города, — сказал он медленно. — На голове у вас был конусообразный шлем, а в руке копьё...

— Да. На стенах города могли быть женщины. Один из греческих историков, современник Александра, свидетельствует, что женщины в Согдиане сражались бок о бок с мужчинами...

— Значит, история с затонувшим городом достоверна?

— Этому верят не все... Однако я слышала, что в полдень в ясную погоду удастся видеть развалины на дне...

— Я бы очень хотел их увидеть, — пробормотал Федотов.

Он сидел вполоборота к девушке и задумчиво смотрел на белый гребень пены — след винта за кормой.

— Родные горы подоспели на помощь, — и отважные защитники города вместе с ним ушли вглубь от поражения и плена!

— О! Вы так понимаете это?

Максумэ быстро повернулась к нему.

— Я понимаю иначе. Горы, по-моему, изменили им. Подумайте: три года подряд держаться против армии Александра, выстоять, и вдруг погибнуть от какого-то подземного толчка...

— Вы сами сказали, что они предпочли бы плену смерть.

— И все-таки мне жаль их. Разве вам не жаль?.. В детстве, когда я слышала эту сказку, то воображала себя на стенах осажденного города рядом с его защитниками... Да, вы угадали. Только в руках у меня было не копьё...

— А что же?

— Какой-то особый прибор с помощью которого можно повелевать стихиями.

— Я предотвращала землетрясения. Вам странно, что я принимаю эту старую историю так близко к сердцу?

— Что вы? Нисколько!..

— Но ведь мы, таджики, — потомки древних согдийцев, — пояснила Максумэ, словно бы извиняясь за то, что с таким волнением рассказывает о землетрясении, случившемся более двух тысяч лет назад. Они помолчали.

— Наверное, из-за этой истории я

решила стать сейсмологом. Иногда трудно понять, почему человек выбирает ту или другую профессию...

Солнце уже село. Москву все больше окутывала синева сумерек. Город постепенно терял четкость очертаний, как бы медленно отдаляясь, уплывая в ночь. Поверхность реки стала однообразной, пепельно-серой.

Но вот зажглись уличные фонари, осветились окна в домах на набережной.

Тотчас же по воде поплыли длинные желтые зигзаги и множество маленьких веселых разноцветных квадратиков. Москва-река надела свой вечерний наряд — темно-синий, в блесках.

— И вы надеетесь когда-нибудь предотвращать землетрясения? — спросил Федотов, доверчиво глядя на гордое крылатое лицо, неясно белевшее в полутьме.

— Предотвращать? Нет. Предугадывать!.. Теперь-то я понимаю, что вмешиваться в грандиозные тектонические процессы не под силу человеку. Пока не под силу...

Но можно и нужно добиваться того, чтобы отвести... Как это говорят военные?

Да, «отвести угрозу внезапности», нависшую над мирными городами, поселками и деревнями... Ведь самое страшное в землетрясении — это внезапность, то, что землетрясение всегда застает врасплох. А нет на свете ничего страшнее растерянности, паники!.. Заметьте: землетрясения часто бывают ночью или на рассвете. Некоторые люди погибают во сне, другие не успевают выбежать из домов, прыгают из окон, спросонок мечутся по узким коридорам, топча, давая друг друга. И в довершение всего вспыхивают пожары, которые некому потушить...

А какво тем, кого катастрофа застает в пути?.. Поезда стремглав летят под откос, неожиданно поднышавшая волна топит пароходы: И все это происходит в мгновение ока! В одно короткое грозное мгновенье!..

— Но как предугадать это мгновенье?

— Мне еще не вполне ясно это. Но я рассуждаю так. Научились же метеорологи предупреждать заранее о надвигающихся холодах, о наводнении, урагане и других стихийных бедствиях. Люди заглянули в высокие слои атмосферы, в глубь океана. Почему же они не могут заглянуть и в недра земли? Вернее, не заглянуть. Не то слово. Прислушаться к тому, что творится в недрах земли!

Максумэ вытащила из «Курса сейсмографии» карандаш, служивший закладкой, и подняла его, держа на весу обеими руками.

— Нагнитесь! Поближе! — скомандовала она. — Вот я стараюсь сломать карандаш. Я гну его. Раздаются похрустывания, треск. Вы слышите?

— Да.

— То же происходит и перед землетрясением в толще земли. Все жметя, шуршит, скрипит. Мощные пласты прогибаются, как этот карандаш в моих руках... Хруст и шорох нарастают, приближаются.

— Шаги катастрофы, — шепотом подсказал Федотов, увлеченный описанием землетрясения.

— Да, шаги... И вот — крак!.. Пласты не выдержали чудовищного напряжения. Надлом! Разрыв! Катастрофа! Она швырнула обломки карандаша за борт.

— До сих пор сейсмологи шли только по следам катастрофы. Спору нет, изучение землетрясений имеет большое теоретическое и практическое значение. Великий русский сейсмолог Голицын уподобил землетрясение фонарю, который зажигается на

мгновение и освещает недра земли. Но этого мало. Мне, например, мало. Я хочу заглянуть в будущее, хочу опередить катастрофу.

— Кажется, начал понимать. Пограничные заставы на путях катастрофы?..

— Выразились очень удачно. Да, своеобразные пограничные заставы.

Длинная вереница специальных сейсмических постов в угрожаемой зоне. Будем охранять наши города, мирный труд, отдых, сон наших советских людей, чутко прислушиваясь к таинственным подземным шорохам. В случае опасности сразу же оповестим о ней, чтобы можно было подготовиться. Укажем час землетрясения, определим его возможные размеры и эпицентр... Если опасность известна, более того, высчитана, измерена, это почти уже не опасность!

— Когда же будет так?

— Ну, не знаю. Может быть, в 1956 году. Или в 1960...

Даже в темноте видно было, как сияют глаза Максумэ. Такая — оживленная, порывистая, словно бы сбросившая оковы замкнутости, — она еще больше нравилась Федотову. Юноша подумал о том, что даже некрасивые выглядят красивыми, когда говорят о любимом деле, о своем призвании. Но что же сказать тогда о такой красавице, как Максумэ?..

Первой опомнилась девушка.

— Я совсем заговорила вас! — Максумэ со смущенным смехом отодвинулась от Федотова. — Бедненький!.. Я просто думала вслух...

Она подняла голову:

— Но вот и конечная остановка — Бородинский мост!

Показалось ли Федотову, или на самом деле в голосе ее прозвучало сожаление?

— Вам куда? — спросила Максумэ Федотова, стоя на гранитных ступенях набережной.

— Я живу в общежитии туристов на углу Смоленской площади.

— А я на Потылихе. Значит, в разные стороны... Нет, нет, провожать не надо!.. Ну, спасибо за хороший вечер!..

— Это я должен благодарить вас, — неуклюже пробормотал Федотов, задерживая в своей руке ее теплую маленькую руку. И вдруг добавил: — Я обязательно увижу затонувший город, о котором вы рассказывали!..

— О! — Девушка улыбалась. В голосе ее прозвучали поддразнивающие нотки. — Значит, вы не из тех, кто ловит солнечных зайчиков на стене?.. Хозяин своего слова, настойчивый, волевой?.. Ну-ну!..

Она пересекла улицу и стала удаляться, энергично размахивая «Курсом сейсмологии». Федотов неподвижно стоял на тротуаре и смотрел ей вслед.

Почувствовав его взгляд, Максумэ оглянулась и еще раз ласково кивнула.

— До свиданья, Павел, — донеслось до Федотова. Это в первый и последний раз за вечер она назвала его по имени...

Беспечность молодости! Он даже не узнал ее фамилии, не спросил адрес или телефон. Просто был слишком уверен в том, что найдет ее и без адреса. Судьба — так он считал — была на их стороне!.

В Москву Федотов вернулся через

год. Он с блеском выдержал вступительные экзамены и был принят в институт. Но с Максумэ они не встретились. Когда Федотов навел справки в МГУ, — что было нелегко, так как он не знал фамилии своей новой знакомой, — оказалось, что Каюмова Максумэ перевелась по семейным обстоятельствам в Ташкентский университет.

Вначале с этим было трудно, почти невозможно примириться. Федотов собирался писать в Ташкент, но подоспели зачеты, — так и не собрался. Потом поехал на практику, впервые участвовал в археологической экспедиции. Нахлынули новые яркие впечатления.

С годами воспоминание о девушке с крылатым лицом потускнело, он уже неясно представлял себе ее. Зато все ярче, будто поднимаясь из воды, возникал перед его умственным взором таинственный затонувший город, одна из загадок древней Согдианы. Так получилось: девушка забылась, легенда нет...

Федотов закончил институт и одновременно курсы Эпрона, ушел в армию (началась война), воевал, был ранен, демобилизовался, возвратился к

прерванному войной любимому делу — к подводной археологии — новой отрасли советской археологии.

Федотова видели после войны на Черном море, в районе древней Ольвии, отыскивающего под водой затонувшую старинную гавань. Его видели в Феодосии, рассматривающего мраморных львов, которых шквал выбросил на берег. Его видели у Чудского озера, когда он поднимал со дна жарявельные кольчуги тевтонов.

Так, шагая по дну рек, морей и озер, молодой археолог добрал и до прозрачного горного озера в горах Таджикистана. Он шел к нему издалека, в течение многих лет.

До утра, до спуска на дно оставалось всего несколько часов, но, как всегда бывает, они были самыми томительными.

Федотов с завистью прислушался к разноголосому храпу, от которого сотрясался брезентовый полог палатки.

Озеро — там внизу, под горой — волновалось, это было слышно. Наверное, ветер поднимался в горах. Волны глухо ударяли о берег. Что-то необычное чудилось Федотову в звуках прибоя.

Что же?

Ага, прибор был не ритмичным, каким-то лихорадочно-прерывистым — с паузами — как пульс у больного.

Очень медленно стал светлеть полог палатки, постепенно окрашиваясь в бледно-желтый, затем в розовый цвета. Можно было вообразить, что находишься внутри пестрой морской раковины.

И эта раковина звучала! Все сильнее, все громче! Озеро, видно, разыгралось не на шутку.

Федотов не выдержал. Поспешно натянул сапоги, перебросил через плечо ремень с фотоаппаратом, — с ним не расставался никогда, — перешагнул через разметавшегося на кошме Василия Николаевича и вышел наружу.

Солнце только поднималось из-за гор. Лучи его еще не достигли озера, лежавшего в глубокой котловине, как бы в чаше. Со всех сторон подступали

к нему крутые горы. Лес начинался у самой воды.

Озеро казалось очень одиноким. Туман, висевший над ним, придавал еще больше сказочного очарования зрелищу, которое открылось перед Федотовым.

С удивлением увидел он, что верхушки сосен и скал светятся вокруг. Свечение было неярким, спокойным, ровным. Как будто чья-то невидимая рука иллюминировала лес, развесив на деревьях и скалах фонарики. Если бы они горели в море, на верхушках мачт, Федотов с уверенностью сказал бы, что это огни святого Эльма, то есть небольшие скопления атмосферного электричества.

Он не успел выкинуть в суть странного явления. Внимание было отвлечено.

Солнце, наконец, озарило котловину.

Клубясь, медленно расходился туман. Все больше приоткрывалась поверхность озера. Цвет его менялся на глазах. Сначала оно было черным, как грифельная доска, потом начало светлеть, синеть, вдруг пробежала по нему золотистая рябь, и вот, пронизанное до дна косыми лучами, оно сделалось ослепительно голубым и прозрачным.

Федотов нагнулся над водой.

Нет, пока не видно еще. Рано! Проводник говорил, что бывает видно только в полдень, когда солнечные лучи падают отвесно. И даже в полдень не всегда удается увидеть. Поверхность воды должна быть для этого совершенно гладкой, зеркально гладкой.

Сказочное видение возникает тогда в хрустальной синеве. Покачиваясь в такт колебаниям рыбацкой лодки полуразрушенные крепостные башни, белеют еле различимые прямоугольники домов.

Но видение смутно, расплывчато. Да и появляется от только на миг. Потянет ветром с гор, набежит быстрая рябь, и все исчезнет внизу — без следа, как подводный мираж.

Может быть, это и впрямь мираж, обман зрения? Легко принять за развалины города причудливые обломки

скал, нагромождения подводных камней, вокруг которых покачиваются густые заросли водорослей.

Только спустившись на дно, можно решить эту загадку.

Федотов нетерпеливо взглянул на часы-браслет.

Ну, недолго уже осталось ждать! Через полчаса побудка, затем завтрак, и вот наконец, Федотов и его помощники наденут водолазные скафандры, чтобы прямо с берега двинуться широким фронтом в глубь озера.

Он ясно представил себе, как бредет по улицам затонувшего города. Это будет удивительное путешествие, — не только по дну озера, но и во времени.

Двадцатый век останется наверху, за сомкнувшейся над головой хрустально-синей преградой. Здесь — под водой, в зыбком струящемся сумраке — все еще четвертый век до нашей эры. Водолазы осторожно ступают сапогами со свинцовыми подошвами по скользким, покрытым илом плитам древней мостовой. Подходят к домам, наполовину зарывшимся в песок. Распугивая рыб, раздвигают водоросли, закрывающие вход.

Проникают внутрь, включают свет прожекторов, чтобы прочесть надпись на стенах.

Потом бережно поднимают наверх бесценный археологический улов — оружие, черепки посуды, обломки камня с орнаментом и надписями.

Обидно, конечно, что тайну придется раскрывать по частям, отламывать так сказать, по кусочкам. Насколько счастливее в этом отношении собраты Федотова по профессии — «сухопутные» археологи! Труд их бывает награжден сторицей, когда открытые с кропотливой тщательностью из-под пепла или из земли, предстают пред ними древние, исчезнувшие на карте города — все целиком, от крыш до плит мостовой.

Федотов подумал о том, что, может быть, на этом горном озере устроят когда-нибудь каскад, подобный тому, который создали на Севане в Армении.

Вода заструится вниз в равнины по

ступеням гигантской лестницы. Уровень озера понизится. И тогда!..

О, тогда расступятся, наконец, зеркальные стены, ревниво оберегающие тайну!

Вдруг прихлынет к берегу волна и вынесет затонувший город на песок, как большую, сверкающую серебряной чешуей, рыбу!

Молодой археолог так ушел в свои мечты, что забыл об окружающем. Вдруг отражение его пошло кругами в воде, замутилось.

Федотов в изумлении откинулся на скале, на которой сидел. Он ясно видел, что озеро мелеет.

С раскатом, подобным пушечному залпу, волна отпрыгнула от берега. Обнажились песок и длинные космы водорослей, тянувшиеся по песку за быстро убегающей водой.

Все, что произошло вслед за этим, было похоже на сон.

Город всплывал на поверхность!

Первыми из яростных завихрений пены вынырнули башни, грозные даже сейчас.

Потом под яркими лучами солнца засверкали купола странной конической формы.

С берега Федотов не мог определить: металл ли это, особо ли искусная облицовка.

На площади торчали какие-то обелиски, а рядом, повалившись набок, лежали каменные изображения — не то грифов, не то крылатых быков.

Улицы города были круты, узки. Большинство домов ушло в ил почти до половины, но некоторые, построенные на холмах, были видны очень хорошо.

Водоросли обвивали их, как плющ. Кое-где, из-под зеленого покрова, проступали багряные и оранжевые пятна. Наверное, стены домов были обложены разноцветным камнем. Стайка синих и красных рыбок, — теперь рыбы владели городом, — билась на плитах мостовой, пытаясь перепрыгнуть в уцелевшие лужи.

Да, несомненно, это была Согдиана! Древняя, сказочная Согдиана, отделенная от нас двумя десятками столетий...

Федотов заметил, что сидит в неудобной позе на земле. Его будто ветром сдуло со скалы, которая сместилась со своего места. Предостерегающее ворчание раздавалось под ногами.

Впечатление было такое, что где-то глубоко в недрах земли двигаются грузовики, целая колонна грузовиков. Она приближается. Вот уже совсем близко... И снова толчок! Словно кто-то рывком потянул землю из-под Федотова. Потом отпустил. И опять потянул.

Боковым зрением Федотов видел, как раскачиваются деревья. Со свистом катились мимо камни. Вдруг, будто юркая черная змейка, совсем рядом пробежала глубокая трещина.

Он понимал, что происходит, но почти не думал об опасности. Обеими руками, очень крепко держал свой фотоаппарат, наведя объектив на озеро, нажимал кнопку затвора, поворачивал барабанчик кассеты и снова нажимал.

Снимал кадр за кадром — в каком-то самозабвении восторга.

Три подземных толчка следовали очень быстро один за другим. Последний толчок был самым сильным. Под ногами прокатился протяжный, все нарастающий рев, будто горы раскололись до основания.

Вертясь волчком в тесной котловине, отталкиваясь от ее склонов, с размаху налетая на них, горное эхо многократно повторило зловещие подземные удары.

— ...тоу... я-аге же... я-аге!.

Это кричал сверху Василий Николаевич:

— Федотов!.. Лягте же! Лягте!

Но все совершавшееся вокруг скользило как бы по краю сознания. Федотов не думал о себе, не мог думать в это мгновенье. Весь, без остатка ушел в созерцание города, стараясь запомнить мельчайшие детали. Успел даже подумать, что крылатые изображения на площади подтверждают догадку о влиянии Согдианы на культуру соседних с нею стран.

Чаша снова качнулась, — на этот раз в сторону Федотова. Грозная тем-

но-синяя волна шла на берег. Она была совершенно отвесной и достигала пяти или шести метров в высоту. По гребню ее, как огоньки, перебежали злые белые языки.

Она все больше перегибалась вперед, роняя клочья пены на песок. С грохотом обрушилась на парапет древней плотины, перевалила через нее, подмяла под себя.

Вода неслась теперь по узким крутым улицам, взлетая по ступенькам лестниц, заскакивая во дворы, вертясь в них с гиком, визгом, как вражеская конница, ворвавшаяся в город.

Зашатались и упали, точно кегли от толчка,obeliski на площади. В поворотах пены в последний раз сверкнули конические купола.

Город, вызванный землетрясением на свет после двух с лишним тысячелетий, опять — со всеми своими дворцами, домами, крепостными башнями — исчез под водой...

Тогда только опомнился Федотов.

— Бегите!.. Бегите же!.. Смоет! — кричали ему из лагеря.

Федотов спрыгнул с площадки и кинулся бежать прочь от озера.

Он мчался широкими прыжками, хватаясь за кустарник. Но и сейчас, когда озеро догнало его, он не забывал о своем фотоаппарате, придерживал, прижимал к груди, стараясь не задеть за дерево или камень.

Вода настигла Федотова на половине склона и с шипением обвилась вокруг ног.

Он сделал отчаянный бросок, поскользнулся в густой траве, едва не упал, но сверху протянулись к нему руки друзей и подхватили его.

У самого подножья палаток вода остановилась, как будто поняв, что уже не вернуть похищенную тайну. Медленно, неохотно растекалась она между деревьями. Потом поползла вниз.

— Счастье ваше, что берег крутой, — сказал кто-то Федотову. — Был бы отлогий, утащило бы в озеро к черту на рога!..

Федотов оглянулся с недоумением, будто просыпаясь.

— Вы сумасшедший, — накинулся

на него Василий Николаевич. — Так рисковать! Скала рядом ходуном ходила. Понимаете, ходуном!.. И камни с горы!..

— А ведь он еще и фотографировал, Василий Николаевич! Наверное, полную катушку снял!..

— Товарищ Федотов! — крикнул кто-то. — Да вы ранены, голубчик! У вас плечо в крови!..

Рубашка на Федотове была порвана в клочья, из раны в плече текла кровь.

Только сейчас он заметил это и ощутил боль.

Василий Николаевич, переполошившись, приказал немедленно уложить Федотова в палатке и оказать медицинскую помощь.

Снаружи звучали возбужденные голоса участников экспедиции, обменивавшихся впечатлениями.

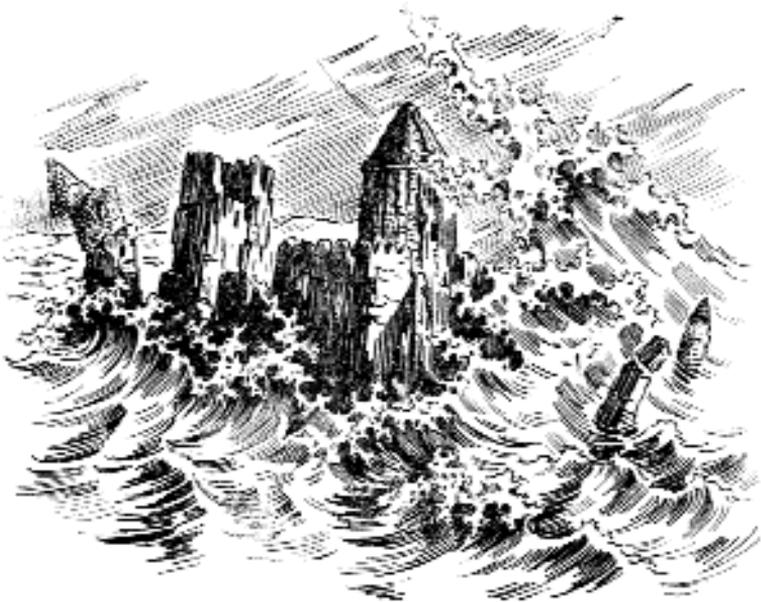
Один еще ночью заметил, что нити электроскопа трепещут, поднимаясь и опадая, как крылья стрекозы. Другой обратил внимание на то, что в котловине нет птиц, но не придал этому значения. Василий Николаевич вспомнил о тревоге, овладевшей им с вечера. Все это, видимо, были вестники надвигающейся катастрофы.

— А голос? — хотел сказать Федотов. — Мы же слышали предостерегающий голос по радио?

Но в этот момент раздался приближающийся конский топот. Кто-то карьером взлетел на гору. Гортанно перекликаясь, забегали проводники. Наконец, им удалось схватить коня под узцы, и всадник легко соскочил наземь.

— Все ли благополучно у вас? Никто не пострадал? — спросил задыхающийся женский голос. — Водолазы-то спускались под воду? Нет?..

Женщина с облегчением перевела дух.

— Я так боялась, что землетрясение застанет ваших работников под водой!..

— Послушайте! — прервал ее Василий Николаевич с удивлением. — А ведь я узнал вас! Вернее, ваш голос! Это вы вчера говорили по радио?

— Да. Но я еще не знала, что к озеру прибыла экспедиция. Нас поздно предупредили. Из Самарканда позвонили по телефону только полчаса назад...

Разноголосую сумятицу покрыл рокочущий бас Василия Николаевича.

— Но кто же вы? — кричал он почти сердито. — Почему узнали о землетрясении еще вчера?

— Я сейсмолог, — ответила женщина. — Я обязана знать о землетрясении заранее.

— Заранее?

— Конечно. Я начальник центрального поста. Ко мне стекаются сообщения из других постов, расположенных на моем участке. Они, видите ли, разбиты в шахматном порядке, на расстоянии пятидесяти километров друг от друга. Так удобнее пеленговать их.

Федотов не расслышал вопроса.

— Бурят скважину, — ответила

женщина. — Глубоко! До двух километров! На дне ее устанавливают звукоприемник, прибор, который улавливает звуки различных тонов. Они передаются по проводам, выходящим из скважины на поверхность, и при помощи светового луча записываются на фотопленку.

— Землетрясение фотографируют?

— Не только землетрясение, даже приближение его! Землетрясение предвещают звуки низкой частоты — шумы, гул. Понимаете, поверхности пластов начинают скользить, трение увеличивается!.. Вчера вечером на фотопленке были замечены зловещие зигзаги. Кроме того, мы стали получать сообщения и о других — побоч-

ных — признаках. Увеличилось число ионов в атмосфере, усилилось напряжение электрического поля. Все, как говорится, одно к одному!..

Землетрясение приближалось!.. Тогда я и сделала свое предупреждение по радио... О, с нашими горами нужно держать ухо остро! Они у нас молодые, по молодости лет шалят...

Женщина засмеялась. Смех показался Федотову странно знакомым.

— Разумеется, относительно молодые, — прибавила женщина. — Их возраст — всего каких-нибудь несколько миллионов лет. Но они еще продолжают формироваться...

— А Урал?

— Ну, Урал — старичок. Он совер-

шенно безопасен. Опасны горы, которые входят в пояс разлома, в ту складку, которая опоясывает земной шар и тянется к нам от Пиренеев через Альпы. Карпаты. Крым, Кавказ. Копет-Даг...

Видимо, Василий Николаевич собирался подступить к сейсмологу с новым вопросом, но на него зашикали:

— Да подождите, Василий Николаевич! Дайте самое важное узнать... Скажите, товарищ сейсмолог, благополучно ли все обошлось, не было ли жертв?

— Не было! Эпицентр землетрясения прошел юго-восточнее одного из городов. Я так и предполагала. По телефону сообщили, в городе есть разрушения, из людей не пострадал никто. Ведь мы предупредили еще в полночь, за несколько часов до землетрясения. Конечно, эти часы были тревожными. Провести пришлось их под открытым небом на бульварах и площадях. Но ведь ночи еще теплые...

— Я встану, — сказал Федотов слабым, но решительным голосом, и отстранил поддерживающих его товарищей. — Нет, нет! Обязательно встану. Я чувствую себя уже хорошо...

— Да ты в уме? У тебя поднимется температура...

— Нет, братцы, не могу лежать! Пустите! Потом объясню! Вы не понимаете ничего!..

Пошатываясь, он вышел из палатки и остановился на пороге, придерживаясь за брезент.

Да, это была Максумэ.

Голова ее была непокрыта, — видно, выбежала из дому, как была. На Максумэ был белый халат, придававший ей вид врача. «Стетоскопа в кармане не хватает», — подумал Федотов.

— О! Все-таки есть раненый! — воскликнула Максумэ с огорчением.

— Я видел затонувший город, — сказал Федотов вместо приветствия.

— Я добрался до города!

— Не понимаю.

Ей принялись объяснять, почему у Федотова забинтованы плечо и голова, показывали на фотоаппарат, по-прежнему висевший у него на шее, на колыхавшееся внизу озеро. Максумэ только вертела из стороны в сторону головой, недоумевающе улыбалась, пожимала плечами.

— Я сам объясню, без комментаторов, — сказал Федотов сердито и, шагнув вперед, отстранил археологов, теснившихся подле Максумэ.

— Вы не узнали меня, — произнес он, обращаясь к ней. — Я Павел. Помните? — И принялся перечислять, не спуская глаз с девушки: — Москва, лохматый шенок на бульваре, потом речной трамвай, разговор о Согдиане и о будущем вашей профессии, сломанный карандаш, полетевший за борт, и, наконец:

— А! Довольно! Я узнала вас!

Максумэ не двинулась с места, но глаза ее под высоко вскинутыми широкими бровями засияли.

— Значит, добрались до озера?

— Как видите.

— Теперь все в порядке. Сможете работать спокойно под водой...

— Вы будете охранять меня?

— Да. И если возникнет опасность, сразу же сообщу в ваш лагерь. Но, судя по ряду признаков, грозное мгновение повторится нескоро...

— А ведь я остановил мгновение, Максумэ! — сказал Федотов, не отрывая взгляда от милого крылатого лица. Снова, как много лет назад на Москва-реке, почти не замечал других людей, будто на берегу пустынного горного озера остались только двое — он и Максумэ. — Я запечатлел на пленке то, что неповторимо.

— Затонувший город?

— Да! Вот он — здесь!..

И археолог поднял на ладони и показал Максумэ фотоаппарат, на лакированной поверхности которого скользнул быстрый солнечный зайчик.